

Обычно молчаливые люди считаются скучными, даже очень скучными, но Е Тао был исключением. Если проводить не совсем уместное сравнение, он был как неприметное яйцо, которое на первый взгляд не имеет ничего особенного, но если его немного потрясти, из него выпадет что-то, что приносит радость. Ло Дун и Чжоу Цзыцянь обладали острым глазом, и с течением времени всё больше понимали эту особенность Е Тао, поэтому все занятия Чжоу Цзыцяня, такие как каллиграфия и шахматы, можно было отнести к последнему пункту — дразнить племянника.

Из-за вмешательства Чжоу Цзыцяня у Е Тао не осталось времени думать о том, что так его расстроило и даже довело до болезни. Грусть в сердце утихла, но лекарства всё равно нужно было принимать.

Сяо Чэн принес лекарство, но обнаружил, что в комнате никого нет. Немного растерявшись, он услышал смех из соседней комнаты и, взяв лекарство, направился туда.

— Я тебе подал кисть, а ты написал такое? — Чжоу Цзыцянь ущипнул Е Тао за щеку, оставив на ней след от чернил.

Е Тао внимательно рассмотрел своё творение. Было ли оно уродливым? Конечно. Это был его первый раз с кистью, и то, что он смог её правильно держать, уже было достижением. Чтобы написать что-то приличное, потребовалось бы больше времени.

Сяо Чэн поставил чашу с лекарством и, сдерживая смех, сказал:

— Молодой господин, пора пить лекарство.

Е Тао кивнул, наполнил кисть чернилами и, не предупреждая, размазал их по лицу Чжоу Цзыцяня, после чего с невозмутимым видом произнес:

— Взаимность.

Чжоу Цзыцянь, смеясь и ругаясь, отправился в ванную умываться, а Сяо Чэн тихо сказал Е Тао:

— Я вижу, что второй господин в хорошем настроении. Может, попросите за Баобао?

— Бесполезно, его ещё как минимум пару дней продержат, — Е Тао оглянулся во двор и увидел, что Баобао лежит в клетке с видом полного отчаяния. Ему стало и стыдно, и жалко. — Сяо Чэн, сходи куда-нибудь и купи два молока с двойной пенкой.

Сяо Чэн посмотрел на время:

— Их продукция быстро разбирается, если опоздать, то не купишь. Я пойду сейчас, а когда вернусь, оставлю на кухне, вы сможете съесть, когда захотите.

Когда Чжоу Цзыцянь вышел из ванной, Сяо Чэн уже ушел. Е Тао сидел за столом, ожидая, пока лекарство остынет.

Увидев, что Чжоу Цзыцянь взял влажное полотенце, Е Тао протянул руку, чтобы взять его, но Чжоу Цзыцянь не отдал, а одной рукой поднял подбородок Е Тао, а другой начал вытирать чернила с его лица. Чернила, которые использовал Чжоу Цзыцянь, имели легкий аромат, но после высыхания их было трудно стереть. Лицо под полотенцем становилось всё более красным, и Е Тао действительно не знал, что происходит.

Чжоу Цзыцянь остановился, и Е Тао, слегка подняв лицо, спросил:

— Готово?

Чжоу Цзыцянь кивнул:

— Да, теперь ты похож на племянника Чжун Уяня.

Е Тао смолчал.

Утром занимались каллиграфией, а днём перешли к шахматам. Е Тао, выросший в бедности, не имел времени на изучение искусства, музыки, шахмат и каллиграфии, а Чжоу Цзыцянь, прежде чем возглавить семейный бизнес, имел и время, и деньги, и острый ум. Даже играя ради развлечения, он делал это изысканно и красиво. Если бы он серьёзно учил Е Тао, тот бы смог чему-то научиться, но проблема была в том, что этот учитель был ненадежным!

Он вкратце объяснял правила и сразу же заставлял Е Тао учиться на практике, а затем превращал ученика в свою игрушку. Учитель забирал несколько фигур, щипал ученика за нос; забирал ещё несколько фигур, трогал мочку уха; ученик сдавался, и его хватали, обнимали и целовали. Даже такой спокойный человек, как Е Тао, начинал раздражаться.

Неужели Гуаньюй обанкротился? Как это возможно, что заместитель генерального директора так свободен, что может только дразнить племянника, чтобы убить время?

Чжоу Цзыцянь с улыбкой спросил:

— В будущем я буду проводить с тобой все праздники, хорошо?

Е Тао, спокойно и с легкой долей отчаяния, посмотрел на шахматную доску, думая: «А что, если я опрокину её тебе на лицо?»

Чжоу Цзыцянь не был тем генеральным директором, который владел большим количеством акций, имел подчинённых и, появляясь на совете директоров, получал огромные деньги. Таким генеральным директором был его отец, а он сам был его правой рукой. Поэтому таких спокойных и расслабленных выходных у него было немного, и если бы их было больше, его красивое лицо действительно могло бы превратиться в шахматную доску.

После ужина Баобао, наконец выпущенный из клетки, не отходил от Е Тао ни на шаг, его круглые кошачьи глаза с легкой долей злорадства смотрели на Чжоу Цзыцяня, мысленно насмехаясь: «Если я не могу быть с тобой, то буду с ним. Не дам вам возможности быть вместе!»

Е Тао с благодарностью искупал Баобао. Было жарко, и кот не хотел пользоваться феном, поэтому после купания Е Тао завернул его в полотенце, как в свободные пелёнки.

Сяо Чэн, закончив уборку в ванной, взял маленький колокольчик с раковины и, слегка потряхивая им, сказал:

— Баобао, иди сюда, я надену тебе ожерелье.

Шерсть Баобао ещё не высохла, и на его мордочке выделялись только большие глаза, полные отвращения: «Тебе больше нечем заняться? Иди туда, где прохладнее!»

Чжоу Цзыцянь взял колокольчик, развернул Баобао из пелёнок и, не грубо, но твёрдо, надел

колокольчик обратно, а затем передал его Сяо Чэну:

— Высуши его, не давай ему тереться.

Баобао был обижен, Баобао страдал. Баобао, не в силах выразить свои чувства, терпеливо позволял Сяо Чэну сушить свою шерсть, мысленно повторяя: «Из-за любви я становлюсь милосердным; из-за понимания я становлюсь терпимым. Дядя, не волнуйся, как бы ты ко мне ни относился, я постараюсь сдержаться и не выпущу когти».

После спокойных выходных Чжоу Цзыцянь, наконец, отправился на работу, и у него не было времени следить, сидит ли кот в клетке весь день, размышляя о своих ошибках. Как только шум утих, Е Тао начал открыто нарушать правила: когда Чжоу Цзыцяня не было дома, он выпускал Баобао, а перед его возвращением снова сажал кота в клетку.

Жизнь Баобао стала немного комфортнее, и у него появилось время думать о разных вещах. В один из дней, включив компьютер, он снова заговорил с Е Тао об отношении Чжоу Цзыцяня: «Я уже говорил тебе, что мой дядя стал более привязчивым, но ты не воспринял это всерьёз. Теперь ты понимаешь серьёзность ситуации?»

Е Тао объективно ответил:

— Он не привязчив, ему просто нечем заняться.

Баобао с досадой продолжил печатать: «Ты что, упрямый? Я же говорю, что его отношение изменилось, а ты считаешь, что он просто наелся. Не говоря уже о том, что ты ругаешь моего дядю в моём присутствии, скажи мне, кто ещё может находиться в состоянии "наелся" не временно, а постоянно и с каждым днём всё сильнее? Если ты назовёшь такого человека, я...»

Не дожидаясь, пока Баобао закончит, Е Тао произнес имя:

— Ло Дун.

Баобао остановился и посмотрел на Е Тао, который с невозмутимым лицом, спокойным взглядом и тонкими губами, слегка приоткрывшимися, произнес без эмоций:

— С тех пор, как я его знаю, он всегда был таким, уже десять лет.

Баобао молчал некоторое время, затем напечатал:

«Давай поговорим о чём-нибудь более приятном».

На самом деле Е Тао был в порядке, даже если испытывал досаду, он мог её перетерпеть. В конце концов, он смог вытерпеть даже такого заносчивого, как Ло Дун, и стать его другом, так что нет причин не вытерпеть второго. По сравнению со своим положением Е Тао больше жалел Баобао. Этот бедный ребёнок был заперт в клетке, на него надели колокольчик, его бросали, как мяч, и даже не давали нормально поесть. По сравнению с тем, как его раньше лелеяли, это было как падение с облаков и приземление вниз головой.

Вечером, когда приблизилось время возвращения Чжоу Цзыцяня, Баобао пришлось вернуться в клетку. Е Тао, поглаживая кота по голове, пообещал:

— Я больше не буду сваливать на тебя вину.

Баобао поднял лапку и похлопал Е Тао по руке, показывая: «Не вини себя, если в будущем ты

снова попытаешься свалить на меня вину, я не соглашусь, даже если меня убьют!»

Когда Чжоу Цзыцянь вернулся, он принёс список вещей с аукциона и спросил Е Тао, есть ли что-то, что ему понравилось. Е Тао, чтобы получить возможность выйти из дома, осторожно намекнул:

— Нужно смотреть на такие вещи вживую, по фотографиям ничего не понятно.

Чжоу Цзыцянь не был глуп, ему даже не нужно было думать, чтобы понять, что Е Тао интересуется не это. Он сразу же закрыл список и сказал:

— Если нет, то ладно.

Е Тао на секунду замер, затем протянул руку:

— Я ещё посмотрю.

— Не нужно, — Чжоу Цзыцянь вытянул руку, держа список вне досягаемости Е Тао. — Ты выбираешь вещи по первому впечатлению, если с первого взгляда не понравилось, значит, не понравилось.

Е Тао дважды потянулся, но даже не смог дотронуться до края, и больше не пытался.

Чжоу Цзыцянь, видя, что он не спорит и не капризничает, снова начал дразнить его, как щенка, поднося список к лицу Е Тао, листая его и комментируя:

— Вообще, эта нефритовая цикада неплоха...

<http://bllate.org/book/17687/1650204>